УДК 327.7, 34161

Игорь ЩЕРБАК

СТРАТЕГИЯ КРИЗИСНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЕВРОСОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Статья поступила в редакцию 23.04.2021

Аннотация. В статье проанализирована эволюция стратегии кризисного реагирования Евросоюза в условиях вызовов глобальной и европейской безопасности. Обозначены основные направления кризисного реагирования ЕС. Особое внимание в этом контексте уделено политике Европейского союза применительно к гибридным угрозам, обеспечению кибербезопасности, использованию информационно коммуникационных технологий, а также инструментов посредничества. Рассмотрены вопросы сотрудничества ЕС с ООН в сфере миротворческих операций и практики военных миссий Евросоюза. Показаны особенности концепции комплексного подхода ЕС в сфере кризисного реагирования.

Ключевые слова: стратегия кризисного реагирования Евросоюза, информационно-коммуникационные технологии, гибридные угрозы, кибербезопасность, посредничество.

Эволюция стратегии кризисного реагирования Евросоюза проходит с учетом адаптации к новым вызовам европейской и глобальной безопасности. На современном этапе политика ЕС в этой сфере формируется под воздействием целого ряда факторов. На первый план выходит проблема увеличения географической зоны нестабильности и «несостоявшихся государств», а также гибридных угроз (инфильтрация террористических группировок в зоны конфликтов, информационные войны и т.д.). В результате динамичных процессов глобализации практически исчезли различия между внутренней безопасностью Евросоюза и обеспечением международной безопасности в приоритетных для ЕС сферах.

Параметры политики Евросоюза в сфере кризисного реагирования по-прежнему определяются модернизированной в 2016 г. Глобальной стратегией ЕС, которая продолжает сохранять свою актуальность. В соответствии с ее установками корректируется концепция кризисного реагирования. Адаптация антикризисной стратегии была продиктована стремлением не только выработать оптимальный ориентир для Евросоюза в эпоху флуктуаций и нестабильности, но и использовать ее как инст-

© **Щербак Игорь Николаевич** – к.и.н., ведущий научный сотрудник ИЕ РАН, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. **E-mail:** inshcherbak@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>

румент для консолидации внешней и внутренней политики Союза перед лицом новых угроз и в связи с выходом из него Британии¹².

Основные направления эволюции стратегии кризисного реагирования

Современная стратегия кризисного реагирования ЕС ориентируется на следующие приоритеты:

- интегрированный подход к кризисным ситуациям на основе предотвращения конфликтов и их урегулирования;
- стабилизация властных структур «несостоявшихся государств», укрепление устойчивости государства и общества как на востоке, так и на юге и, прежде всего, в географической зоне Западных Балкан, странах к югу от Сахары и в Центральной Азии, а также на Южном Кавказе;
- принятие мер по укреплению безопасности Евросоюза с упором на противодействие терроризму, гибридным угрозам, глобальным инфекциям; укрепление энергетической безопасности и эффективная защита окружающей среды³.

Основное внимание будет уделяться противодействию гибридным угрозам и обеспечению кибербезопасности. По этому кругу вопросов Евросоюз продолжит сотрудничество с Североатлантическим альянсом. На это, в частности, указывает доклад ЕС и НАТО о реализации совместно разработанных и утвержденных предложений в сфере обороны и безопасности⁴.

К гибридным угрозам в ЕС относят асимметричные конфликты низкой интенсивности, скрытое развертывание неаффилированных вооруженных подразделений, терроризм, нелегальную миграцию, получение контроля над природными ресурсами, пиратство, финансовые, экономические и дипломатические рычаги влияния, транснациональную преступность, киберпреступность, дезинформацию, акции гражданского неповиновения, уличные беспорядки и информационные войны⁵.

Европейский союз только за последние годы принял ряд инициатив для ускоренного реагирования на гибридные угрозы, координации действий государств-членов и

¹Tocci N. Framing the EU global strategy. A stronger Europe in a fragile World, Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan. 2017 URL: https://CLDdnnprRio2sbUSsC3Nkn82C4AR3wG8UmXjOYcg6tGMzZCDsUBLiw_&Key-Pair-Ld=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (дата обращения: 05.04.2021)

²Barbe E., Morillas P. The EU global strategy: the dynamics of a more politicized and politically integrated foreign policy, 08 April 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09557571.2019.1588227> (дата обращения: 15.04.2021)

³Ferreira L. Implementing the Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy, February 2020. URL: http://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2020/02/EUGS-TEPSA-Briefs_Final.pdf (дата обращения: 13.04.2021)

⁴Progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by NATO and EU Councils on 6 December, 2016. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170619_170614-Joint-progress-report-EU-NATO-EN.pdf (дата обращения: 14.04.2021)

⁵Bajarūnas E. Addressing Hybrid Threats: Priorities for the EU in 2020 and Beyond, 22 March, 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1781685820912041> (дата обращения: 14.04.2021)

противостояния вызовам на национальном уровне. Предусмотрен также анализ уязвимых мест в защите от таких угроз, их раннее обнаружение и соотношение внешних и внутренних аспектов этого явления с точки зрения последствий для безопасности.

Среди этих инициатив следует выделить выпуск операционного протокола по противодействию гибридным угрозам («Сборник ЕС» – 2016 г.)¹.

В дополнение к этому стратегические ориентиры Евросоюза по противодействию гибридным угрозам были изложены в принятых в декабре 2019 г. заключениях Европейского совета по вопросу о расширительных мерах по повышению стрессоустойчивости и противодействию гибридным угрозам (документ 14972 от 10 декабря 2019 г.). Особое внимание уделялось адаптации механизмов и инструментов Евросоюза по борьбе с гибридными угрозами к современным реалиям в условиях совершенствования новейших технологий и использования искусственного интеллекта, что одновременно создает возможности для более эффективного сдерживания гибридных угроз и осложняет работу по противодействию им².

Евросоюз разрабатывает множество концептуальных подходов по противодействию гибридным угрозам с целью усиления внутривластной стрессоустойчивости государств-членов Союза и их потенциальной способности оперативно реагировать на кризисные ситуации, созданные внешними игроками.

Роль информационно-коммуникационных технологий

Использование новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ – ICTs) для целей кризисного регулирования и восстановления в странах, пострадавших от вооруженных конфликтов и деградации государственного управления, становится одним из важных направлений стратегии ЕС по стабилизации кризисных ситуаций на периферии и минимизации последствий для государств-членов ЕС (масштабная миграция, терроризм, религиозный экстремизм). Это служит также целям усиления влияния Союза в перспективе в стратегически важных регионах.

Официальная политика Евросоюза в отношении целей ИКТ применительно к постконфликтному восстановлению привязана к «Повестке цифровых технологий для Европы». При этом одной из целей Брюсселя является продвижение своей модели управления цифровыми технологиями для выработки совместно с партнерами коллективных ответов на современные вызовы и общих подходов к блокчейну, искусственному интеллекту и высокопроизводительным вычислениям (high performance computing) в интересах глобальной безопасности и стабильности³.

¹ Fiott D. and Parkes R. Protecting Europe. The EU 's response to hybrid threats 2018. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (дата обращения: 18.04.2021)

² Council of the European Union Conclusions, Complementary efforts to enhance resilience and counter hybrid threats, 10 December 2019. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14972-2019-UNIT/en/pdf> (дата обращения: 10.04.2021)

³ Promoting Europe's interests and protecting European Values in the global digital transformations, European Commission 2019. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=61697 (дата обращения: 02.01.2021)

Особенностью стратегии Евросоюза в этой сфере становится создание глобальной и региональной сети цифровых платформ для диалога с партнерами в целях решения разнообразных задач – от борьбы с терроризмом, обеспечения кибербезопасности и управления интернетом до защиты прав человека и развития современной экономики, цифрового сельского хозяйства, новейших систем связи (5G) и демократии в соответствии с «европейскими ценностями». Необходимая инфраструктура цифровой сети создается путем формирования альянсов с заинтересованными странами и регионами на основе специальных соглашений о сотрудничестве или путем совместных проектов при содействии представительств Евросоюза в странах и регионах, представляющих особый интерес.

При этом курс ЕС на цифровизацию мотивирован необходимостью содействовать экономическому росту и устойчивому развитию потенциально кризисных регионов в рамках Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г.¹

Создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры и цифровых платформ в различных регионах мира, находящихся в стадии социально-экономической и политической трансформации, значительно расширяет технические возможности ЕС. Речь, в частности, идет о мониторинге, раннем предупреждении и прогнозировании потенциальных кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов, а также планировании оптимальных параметров помощи Евросоюза как в области развития, так и в постконфликтном восстановлении.

В вопросах использования информационно-коммуникационных технологий для целей постконфликтного восстановления ЕС делает ставку не только на технические аспекты (инструменты, обработка объемных данных, информационные сети), но предпочитает комплексный подход, соединяющий техническое и социальное измерение своей стратегии как для пользователей, так и для получателей этих технологий. Развертывание и использование ИКТ входит в сферу компетенции Европейской внешнеполитической службы, которая отвечает за операции и программы ЕС по миротворчеству и постконфликтному восстановлению, а также координирует эту деятельность через «инструменты, способствующие стабильности и миру» (Instruments Contributing to Stability and Peace) и Партнерство ЕС в сфере миротворчества (the EU Peacebuilding Partnership)².

Еще одним важным направлением использования ИКТ являются посреднические миссии ЕС и ООН, которые приобретают все большее значение в контексте предотвращения и мирного урегулирования кризисных ситуаций.

Новые технологии могут содействовать повышению эффективности кризисного управления. С их помощью можно решить проблему сбора масштабной информации о позициях сторон в конфликте, реальной обстановке в кризисных районах, а также об их планах и приоритетах с точки зрения конфигурации политического урегулирования. Как правило, именно недостаток информации обостряет конфликтную ситуацию. Преимущество современных информационно-

¹ Foreign Policy, Shaping Europe's digital future, European Commission, 16 December 2020. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/foreign-policy> (дата обращения: 03.01.2021)

² Gaskell J., Larrauri H., Rieken J., Ali A., Ritgerink A. Uses of Information and Communication Technologies (ICT's) for EU Conflict Prevention and Peacebuilding, March 2016. URL: <https://dataverse.nl/api/access/datafile/4112?gbrecs=true> (дата обращения: 07.01.2021)

коммуникационных технологий в том, что они открывают беспрецедентные возможности для быстрого анализа большого массива данных, получаемых в режиме реального времени из социальных сетей Фэйсбук, Скайп, Твиттер, Вотсап, Вайбер, Клубхаус и др. Кроме того, в этих целях могут использоваться такие технологии, как машинное обучение (*machine learning*) (позволяет с помощью искусственного интеллекта анализировать большие данные, включая идентификацию голоса на основе ввода стандартной информации); блокчейн (*blockchain*) (обеспечивает максимальную прозрачность и безопасность загруженной информации); спутниковые сенсоры/*remote sensing*; различные системы раннего предупреждения (*early warning systems*) (предупреждают о масштабных передвижениях и скоплениях людей, связанных с угрозой кризисных ситуаций).

Социальные сети и создаваемые на их базе мобильные цифровые платформы позволяют устанавливать диалог между соперничающими сторонами и вырабатывать решения на основе консенсуса. Примером может служить цифровая консультативная платформа, созданная в ходе международной конференции по Ливии (апрель–июль 2018 г.)¹.

Приоритеты интегрированного подхода в ЕС

Появление концепции всеобъемлющего подхода Евросоюза к кризисному управлению и поддержанию глобальной безопасности связано с трансформацией природы современных региональных конфликтов. В ЕС исходят из того, что эффективное урегулирование подобного рода кризисных ситуаций требует изменения традиционных подходов, основанных преимущественно использовании силовых методов. Прежние виды действий оказались неэффективными в отношении современных конфликтов. Альтернатива основывается на интеграции всех ключевых элементов кризисного управления (предотвращение конфликтов, планирование стратегии по их урегулированию, помощь постконфликтному развитию) в единый пакет.

В Евросоюзе комплексный подход определяется как «стратегически интегрированное использование механизмов и инструментов ЕС для внешнеполитической деятельности в кризисных ситуациях». Интеграция военных и гражданских компонентов кризисного управления – залог успеха операций в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) для решения следующих приоритетных задач:

- повышение уровня операционной готовности Евросоюза с целью управления кризисными ситуациями в условиях расширения географической зоны стратегических интересов Союза и масштабов кризисов;
- компенсация отсутствия возможностей для проведения масштабных военных операций в условиях вооруженных конфликтов высокой интенсивности;

¹ Jenny J., Greenberg R., Lowney V., Banim G. Peacemaking and new technologies, Dilemmas & options for mediators. December 2018. URL: <https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2018/12/MPS-8-Peacemaking-and-New-Technologies.pdf> (дата обращения: 14.01.2021)

– интеграция военных и гражданских компонентов для эффективного кризисного управления для повышения уровня координации между военными и гражданскими механизмами ЕС при планировании операций¹.

С помощью комплексного подхода к обеспечению безопасности Брюссель рассматривает повысить эффективность координации своих институтов и инструментов в процессе управления кризисами.

Такой подход вытекает из положений Лиссабонского договора, на основе которого была реформирована внешнеполитическая служба Евросоюза и создан пост Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. В рамках внешнеполитической службы сформированы гражданские и военные структуры по кризисному менеджменту, а также межправительственные комитеты, включая Директорат по кризисным ситуациям и планированию (Crisis Management and Planning Directorate- CMPD), а также военный штаб ЕС (EU Military Staff-EUMS). Директорат по кризисным ситуациям выполняет задачи стратегического планирования операций и обеспечения координации их военных и гражданских аспектов.

Важную роль в становлении комплексного подхода Евросоюза сыграли две концепции. В 2002 г. по рекомендации военного комитета и в соответствии с решением Совета ЕС была одобрена концепция гражданско-военной координации (СМСО), позволившая существенно улучшить взаимосвязь всех ключевых институтов на политическом уровне и устранить конкуренцию между ними на стадиях планирования и принятия решений². Концепция гражданско-военного сотрудничества на тактическом уровне (СІМІС) связана с обеспечением координации между различными институтами и инструментами Союза.

Предпосылкой для практической реализации этой концепции стало одобрение Европейским советом в декабре 2013 г. общего стратегического документа, разработанного Европейской комиссией и Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Он стал основой для практической реализации комплексного подхода применительно к операциям в регионах Африканского Рога и Сахеля³. Реальным мотивом ставки ЕС на концепцию комплексного подхода было не столько желание переориентироваться на преимущественное использование «мягкой» силы, сколько использовать ее для усиления роли институтов Союза в планировании и в процессе принятия решений за счет сужения компетенций государств-членов ЕС и тем самым укрепления политического единства Евросоюза.

Параллельно в целях повышения уровня операционного военного планирования Евросоюз принял на вооружение стандарты и инструменты НАТО в этой сфере. Речь идет об инструкциях Альянса по операционному планированию (Guidelines for Operational Planning – GOP и Comprehensive Operational Planning Directive – COPD)⁴.

¹ Faleg G. (2017) The EU's Common Security and Defense Policy, 2017, Brussels, Belgium. DOI 10.1007/978-3-319-41306-8_3

² Там же.

³ Faleg G. A Comprehensive Approach to EU Security, 2017, Brussels, Belgium. ISBN 978-3-319-41305-1

⁴ Mattelaer A. The Empty Promise of Comprehensive Planning in EU Crisis Management, European Foreign Affairs Review 18, Special Issue, October 2013, pp. 125–158.

Важно также отметить роль Европейской внешнеполитической службы в интеграции военных и гражданских компонентов комплексного подхода, что существенно повысило уровень кризисного управления в ЕС. В частности, в соответствии с Лиссабонским договором во внешнеполитическую службу были включены департаменты, занимающиеся сквозной гражданской и военной тематикой. Речь, в частности, идет о помощи развитию и гуманитарному содействию – DEVCO, ECHO; вопросы обороны и безопасности – подкомитет по безопасности и обороне и центр по управлению кризисными ситуациями (СМВ).

Утверждению комплексного подхода ЕС содействовал консенсус, сложившийся не только между государствами-членами, но и среди большинства негосударственных организаций, а также неправительственных общественных институтов. Гармонизации гражданского и военного компонентов комплексного подхода во многом содействует инновационная политика Евросоюза по созданию сетевых социальных структур вокруг основного ядра институтов и органов Союза и состоящих из представителей общественных и академических организаций¹.

Социализация процесса подготовки и принятия решений в ЕС за счет расширения круга его участников целенаправленно используется для продвижения и лоббирования новых концепций и подходов Евросоюза в антикризисной дипломатии.

Взаимодействие ЕС и ООН

С 2017 г. операции в рамках Общей политики ЕС в сфере безопасности и обороны становятся главным инструментом кризисного урегулирования, в том числе в сотрудничестве с ООН. Лиссабонский договор (ст. 42.1) в максимальной степени приблизил модели операций ЕС и ООН, юридически закрепив возможность осуществления под эгидой ЕС как гражданских, так и военных миссий.

Военные операции в рамках ОПБО подпадают под общий критерий операций по кризисному реагированию, поскольку не предусматривают возможности прямого использования силы и принуждения к миру. Однако некоторые операции Евросоюза против пиратства и незаконного трафика мигрантов в Аденском заливе и в южной части Средиземного моря «София», «Аталанта» (EUNAVFOR Med – Sophia; Atalanta) в своих мандатах косвенно допускали применение силы. В отличие от операций НАТО в Ливии (2011 г.) и вооруженной операции Франции в Мали (продолжается в настоящее время), мандаты вышеупомянутых миссий ЕС на применение силы содержали четкие ограничители. Например, требуется консенсус ЕС для применения силы и соответствие принимаемых мер международному праву и позиций государств, на территории которых осуществляются данные операции. Такой подход указывает на то, что Брюссель особое внимание уделяет соответствию мандатов операций Уставу ООН и его главе VII (допущение применения силы в определенных обстоятельствах).

Бак правило, мандаты операций ЕС утверждаются на основе комбинаций перекрестных ссылок на решения Европейского совета, резолюции СБ ООН или приглашение/согласие принимающих государств. Мандаты операций ЕС в Боснии и Герцеговине, в Аденском заливе, в ЦАР, ДРК и Чаде содержали ссылки на резолю-

¹ Faleg G. A Comprehensive Approach to EU Security, 2017, Brussels, Belgium. ISBN 978-3-319-41305-1

ции СБ ООН. Часть других операций в Мали, Сомали была осуществлена на основе приглашений от принимающих государств¹.

За последнее десятилетие Евросоюз накопил определенный опыт в проведении как гражданских, так и военных операций в рамках Общей политики в сфере безопасности и обороны. Страны-члены Союза выборочно подходят к развертыванию военных миссий, стремясь максимально снизить риски потерь личного состава и вооружений. Это объясняется конституционными ограничениями в вопросах направления военных контингентов за пределы Союза. Евросоюз придает особое значение идеологическому обрамлению принимаемых решений о планировании и развертывании своих операций в кризисных регионах мира. При этом возможные варианты применения силы встраиваются в канву нормативных подходов, отдающих приоритет «мягкой» силе: оказание гуманитарной помощи, охрана гуманитарных конвоев, возвращение беженцев, разоружение комбатантов и их интеграция, проведение демократических выборов, защита прав человека, постконфликтное восстановление, стабилизация социально-экономической и политической обстановки и т.д. Как правило, военные операции ЕС в кризисных странах и регионах сопряжены с общими целями внешнеполитической стратегии.

Анализ четырех крупнейших военных операций ЕС – «Конкордия» (Concordia) в Северной Македонии, «Артемида» (Artemis) в ДПК, «Алфея» (Althea) в Боснии и Герцеговине, «Аталанта» (EU NAVFOR Atalanta) и параллельная с ней Европейская учебная миссия «Сомали» (EUTM Somalia) – показывает, что все они различаются по соотношению военных и гражданских инструментов. Однако общим для них является стремление «растворить» военные цели в мандате операций и продемонстрировать подчиненность их гражданским приоритетам.

Операция Евросоюза «Артемида» в ДПК в большей степени была ориентирована на решение военных задач. В этой связи западное экспертное сообщество признает, что данная операция является примером чисто интервенционистской модели, которая характеризуется отсутствием четкой связи с гражданскими инструментами кризисного урегулирования². Одна из недавних военных операций ЕС «Мали-2013» (EUTM Mali-2013) имела четко выраженный военный компонент, поскольку ее цель состояла в восстановлении территориальной целостности страны и нейтрализации угрозы со стороны террористических группировок. Особого внимания в контексте обеспечения интересов безопасности Евросоюза заслуживают результаты одной из последних военных операций по пресечению нелегальной миграции ЕС «София» (EUNAVFOR Med Sophia). В ее мандат входили силовые функции, связанные с идентификацией, захватом и уничтожением судов, используемых контрабандистами.

Таким образом, можно говорить о том, что основные военные операции ЕС направлены на практическое решение задач по обеспечению безопасности в зонах конфликтов, нейтрализации экстремистских и террористических группировок, пре-

¹ Для полной картины в отношении мандатов миссий ЕС см: URL: https://www.eeas.europa.eu/csdp/missions-and-operations/index_en.htm. (дата обращения: 11.04.2021)

² См. Norheim- Martinsen, P.M. The EU and military force. Governance and strategy, 2013, Cambridge: University press.

дотвращения незаконной миграции в Евросоюз, постконфликтного восстановления кризисных регионов и стран с учетом своих долговременных экономических и торговых интересов.

* * *

Пандемия COVID-19, глубинная трансформация международных отношений и новые вызовы ускорили адаптацию стратегии кризисного реагирования ЕС. Этот процесс обусловлен синхронизацией мер по обеспечению безопасности (сочетание «мягкой» и «жесткой» силы) на глобальном и региональном уровнях для усиления влияния ЕС. При этом важное значение имеет тесное взаимодействие Евросоюза с ООН и другими влиятельными международными организациями. Стратегия кризисного реагирования ЕС ориентирована на реализацию интегрированного подхода к кризисным ситуациям при активном использовании новейших информационно-коммуникационных технологий. Особый акцент сделан на возрождении государственных структур «несостоявшихся государств», укреплении их устойчивости и недопущении возобновления «конфликтного цикла» в регионах, имеющих стратегическое значение для ЕС. Основная цель состоит в недопущении «перетекания» последствий кризисных ситуаций в зону ЕС (гибридные угрозы, незаконная миграция, терроризм, организованная преступность и т.д.). Модернизация антикризисной стратегии стала составной частью стратегической автономии ЕС. Она используется для укрепления его политического единства и повышения эффективности механизмов принятия важнейших политических решений.

Список литературы

- Громыко Ал. А. (2020) Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2. С. 4–13. DOI: [dx.doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413](https://doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413).
- Данилов Д.А. (2018) ЕС–Россия: возможности и препятствия сотрудничества в сфере безопасности. *Европейская аналитика*, ИЕ РАН, Нестор-История, Москва. С. 46-55
- Европа между трех океанов. (2019) Под общей редакцией Ал .А. Громыко и В.П. Федорова. Изд. Нестор-История, Москва. – 608 с.
- Кавешников Н .Ю. (2020) Сценарии развития Европейского союза . РСМД. 19.06. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/> (дата обращения: 21.10.20)
- Портанский А.П. (2019) США–Европа: союзнические отношения под угрозой . Современная Европа, No 6. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620193039>.
- Потемкина О.Ю. (2020) Новая стратегия Совета Безопасности ЕС. Аналитическая записка No 32, (No 215). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an215.pdf>. (дата обращения: 21.10.20)
- Щербак И.Н. (2019) Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. Доклад ИЕ РАН, № 367. Москва. – 126 с.

References

- Council of the European Union Conclusions, Complementary efforts to enhance resilience and counter hybrid threats, 10 December 2019. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14972-2019-UNIT/en/pdf> (accessed 10.4.2021).
- Danilov D.A. (2018) EC – Russia: *vozmozhnosti i prepytstvia sotrudnichestva v sfere bezopasnosti* [EU-Russia: possibilities and obstacles for security cooperation]. *Evropeyskaya Analitika*. Moscow, Russia. P. 46-55 (in Russ.).
- Esther Barbe & Pol Morillas, The EU global strategy: the dynamics of a more politicized and politically integrated foreign policy, 08 April 2019, URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09557571.2019.1588227> (accessed 05.4.2021)
- Giray Sadik (ed), *Europe 's Hybrid Threats: What kind of Power Does the EU Need in the 21st Century*, 2017. URL:<https://www.cambridgescholars.com/download/sample/63904> (accessed 16.4.2021)

- Gromyko Alexey (2018) Political Landscape of Europe. The Spectre of Geopolitical Solitude. Series "Analytical papers of IE RAS". Working paper No 2 (No 31). IERAS, Moscow. (in Russ.).
- Gromyko Al.A., Fedorov V.P. (2019) (eds.), *Europam Ejdutrehokeanov* [Europe between three oceans], Nestor-Istoriya, Moscow. 608 p. (in Russ.).
- Gromyko Al.A. (2020) Coronavirus Kak Faktor Mirovoi Politiki [Coronavirus as factor of world policy]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. No 2, pp. 4–13. DOI: [dx.doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413](https://doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413) (in Russ.).
- Kaveshnikov N.Yu. (2020) Scenarii razvitiyu Evropeyskiy soyuz [Scripts of the EU's development] RSMD. 19.06. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/> (accessed: 21.10.20) (in Russ.).
- Liliana Reis Ferreira, Implementing the Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy, February 2020, URL: http://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2020/02/EUGS-TEPSA-Briefs_Final.pdf (accessed 21.04.2021)
- Potemkina O.Yu. (2020) Novaya strategiya Soveta bezopasnosti EC [New strategy of the Security Council of the EU]. *Analiticheskaya Zapiska* No 32 (215). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an215.pdf> (accessed: 21.10.20) (in Russ.).
- Portnyansky A.P. (2019) SSHA–Evropa: sousnicheskiyotnosheniypodugrozoy [USA-EU- alliance is under threat], *Sovremennaya Evropa*, No 6. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620193039](https://dx.doi.org/10.15211/soveurope620193039) (in Russ.).
- Progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by NATO and EU Councils on 6 December, 2016. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/_pdf/2017_06/2017_06/20170619_170614-Joint-progress-report-EU-NATO-EN.pdf (accessed 19.04.2021)
- Shcherbak I.N. (2019) Role OON, ES, OBSE vregulirovaniiconfliktov [Role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation]. *Doklad Institut Evropy No 367*. Moscow. 126 p. (in Russ.).
- The European Union's Global Strategy Three Years on, looking forward, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_2019.pdf (assessed 15.04.2021)
- Tocci, Nathalie (2017) Framing the EU global strategy. A stronger Europe in a fragile World, Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan, URL: https://CLDdnnprRio2sbUSsC3Nkn82C4AR3wG8UmXjOYcg6tGMzZCDsUBLiw_&Key-Pair-Ld=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (accessed 05.04.2021)

EU's Crisis Response Strategy in Light of Global Challenges

Received 23.4.2021

Author: Shcherbak I., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Leading Research, IMI, MGIMO. **Address:** 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** inshcherbak@gmail.com

Abstract. The author explores the key aspects of EU's crisis response strategy evolution. Special attention is paid to the EU's policy countering hybrid threats and promoting cyber security, information-communication technology, mediation. The article shows that the EU's strategy aimed at creation of modern information-communication infrastructure and digital platforms in different regions of the world significantly broaden the technical capacity of the EU to monitor crisis situations, to take measures for an early prevention of conflicts and to timely forecast potential armed conflicts and optimal parameters of the EU's technical assistance for the purpose of development and post-conflict reconstruction of conflict-affected states. The author underlines that the modernization of the EU's crisis prevention strategy is driven by the new challenges to global and European security as well as by a profound transformation of modern international relations. Cooperation of the EU and the UN in the sphere of peacekeeping and the EU's military operation in the framework of the crisis management strategy has also been analyzed. Specific details of the EU's concept of "complex approach" to the crisis prevention strategy have been equally presented in the paper.

Key words: EU's crisis response strategy, hybrid threats, information-communication technology, mediation, cyber security, mediation.

DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160](https://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160)